

АСПЕКТИ СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ ПРОБЛЕМАТИКИ СХІДНИХ МОВ ТА ЛІТЕРАТУР

УДК 821.11-31

DOI: 10.32342/2523-4463-2021-2-22-9

В.И. ЛИПИНА,

*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой сравнительной филологии
восточных и англоязычных стран*

Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

Г.В. ЛИПИН,

кандидат филологических наук,

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

«ПОГРЕБЕННЫЙ ВЕЛИКАН» КАДЗУО ИСИГУРО: ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ДИЛЕММА ПАМЯТИ И ПРОЩЕНИЯ

Статтю присвячено вивченню сьомого роману Нобелівського лауреата Кадзуо Ісигуро «Похований велетень» («The Buried Giant», 2015), у центрі якого дилема: пам'ять – зло чи благо для людини в усі часи? Суперечки про цей роман точаться як на батьківщині письменника, так і за кордоном. Роман було перекладено на українську мову (2018), хоча комплексного дослідження художньо-естетичної природи цього знакового твору, присвяченого проблемі людської пам'яті, поки не з'явилося.

Мета нашої праці і продиктовані нею завдання – проаналізувати художню ідею роману в контексті сучасних етико-філософських дискусій про пам'ять і прощення, які резонують у творчості письменника, починаючи з його перших «японських» романів.

Інтерес до дослідження теми пам'яті останнім часом охопив багато розділів гуманітаристики. Феноменологія пам'яті і забуття розглядалася в працях С. Радсон «Пам'ять і методологія», колективній монографії «Теорії пам'яті», в працях П. Рикера, М. Фуко, Ж. Бодріяра, Ж. Дерріда, П. Нора, Х. Уайта, П. Бурдьє, М. Мерло-Понті та ін., резонувала в дискурсі другої половини ХХ ст. після трагічних подій Другої світової війни.

Поставлена мета визначає необхідність використання двох методів і методик – історико-літературного дослідження в поєднанні з семантико-поетологічним аналізом тексту, в основі яких постструктуралістська методологія, нове усвідомлення глибини і невичерпності тексту, його розімкненості й множинності можливих смислів, що породжують суперечки про значення.

У романі роль пам'яті в житті людини і цілого народу проблематизується. Пам'ять – не єдиний наріжний закон людської моралі зі священним трепетом віри в істинність, вона оголює властиві життю людства складності і протиріччя і завжди співвіднесена з реальною історією.

Ключові слова: «Похований велетень», Ісигуро, постмодерністська притча-фентезі, пам'ять, забуття, прощення, деконструкція, епістемологічний сумнів.

Статья посвящена изучению седьмого романа Нобелевского лауреата Кадзуо Исигуро «Погребенный великан» («The Buried Giant», 2015), в центре которого дилемма: память – зло или благо для человека во все времена. Споры об этом романе идут как на родине писателя, так и за рубежом. Роман был переведен на украинский язык (2018), хотя комплексного исследования художественно-эстетической природы этого знакового произведения, посвященного дилемме человеческой памяти, пока не появилось.

Цель нашей работы и продиктованные ею задачи – проанализировать художественную идею романа в контексте современных этико-философских дискуссий о памяти и прощении, которые резонируют в творчестве писателя, начиная с его первых «японских» романов.

Интерес к исследованию темы памяти в последнее время охватил многие разделы гуманитаристики. Феноменология памяти и забвения рассматривалась в работах С. Радсон «Память и методология», коллективной монографии «Теории памяти», в работах П. Рикера, М. Фуко, Ж. Бодрийара, Ж. Деррида, П. Нора, Х. Уайта, П. Бурдьё, М. Мерло-Понти и др., резонировала в дискурсе второй половины XX в. после трагических событий Второй мировой войны, став центральной в творчестве Исигуро.

Поставленная цель определяет необходимость использования двух методов и методик – историко-литературного исследования в соединении с семантико-поэтологическим анализом текста, в основе которых постструктуралистская методология, новое осознание глубины и неисчерпаемости текста, его разомкнутости и множественности возможных смыслов, порождающих споры о значении.

В романе роль памяти и возможность трудного прощания и в жизни человека и целого народа проблематизируется на разных уровнях сюжетного развития как идеологическая контрверза. Текст начинает противоречить сам себе: память, оказывается, не является единственным императивом справедливости и краеугольным законом человеческой морали со священным трепетом веры в истинность, она обнажает тонкую, подвижную материю жизни, присущие жизни человечества неразрешимые противоречия и всегда как хранилище времени соотносима с реальной историей.

Ключевые слова: «Погребенный великан», Исигуро, постмодернистская притча-фэнтези, память, забвение, прощание, деконструкция, эпистемологическое сомнение.

Нобелевский лауреат Кадзуо Исигуро – значительное явление современной британской литературы. Его седьмой роман «Погребенный великан» (“The Buried Giant”, 2015) привлекает в последнее время внимание исследователей как на родине писателя, так и за рубежом. Роман был переведен и на украинский язык [Ишигуро, 2018], хотя комплексного исследования художественно-эстетической природы этого знакового произведения, посвященного дилемме человеческой памяти, пока не появилось. Творчество писателя все чаще становится предметом изучения в нашей науке [Жлуктенко, 2013; Усенко, 2014; Опрісник, 2019]. Репутацию международного писателя он приобрел не только благодаря роману «На исходе дня», который критика с восторгом признала экстра-английским “more English than the English” [Ma, 1999], но и поэтическим обаянием его «японских романов»: «Там, где в дымке холмы» («A Pale View of Hills», 1982), «Художник зыбкого мира» («An Artist of the Floating World», 1986), на родине писателя воспринятыми как переводы с японского [Усенко, 2014, с.146].

В диссертации Ю.С. Нестеренко «Национальная картина мира в романах Кадзуо Исигуро» [Нестеренко, 2020] роман «Погребенный великан» рассмотрен бегло и лишь в аспекте заявленной проблематики, отнюдь не являющейся здесь центральной. Кроме того, вызывает удивление устаревшее представление автора диссертации о жанре фэнтези и робкое оправдание Исигуро за обращение к этому жанру массовой литературы. В статье Т.Л. Селитриной акцентируется притчевость романа [Селитрина, 2017]. Неувиденным осталось главное в романе: художественное преломление морально-этической дилеммы в системе эпистемологических координат конфликта интерпретаций в искусстве постмодернизма, Примирная память о страшном прошлом – зло или благо для человека во все времена? Роман Исигуро на разных уровнях внешнего и внутреннего сюжета (исторической памяти, примирения, личной драмы «припоминания») раскрывает в этой идеологической контроверзе неразрешимую противоречивость самой жизни.

Цель нашей работы и продиктованные ею задачи – проанализировать семантику и поэтику преломления феномена памяти в контексте современных этико-философских дискуссий, которые резонируют в культуре и творчестве писателя.

Поставленная цель определяет необходимость использования постструктуралистской методологии, осознания глубины и неисчерпаемости текста, его разомкнутости и множественности возможных смыслов. В статье проблематизация писателем темы памяти рассматривается как постмодернистская дилемма, имеющая эпистемологическое разнообразие познавательных перспектив.

В евро-атлантической критике роман Исигуро был воспринят неоднозначно. Наряду с восторженными отзывами [Kakutani, 2015; Akbar, 2015; Clark, 2015] появились рецензии, в которых подчеркивалась не только «вторичная» по сравнению с фантастическим эпосом

Дж.Р.Р. Толкина («Хоббит» и трилогия «Повелитель колец») природа фэнтези, но и важная фоновая декоративность созданного постартуровского мира Англии. Наиболее резкой была критика Урсулы Ле Гуин – мэтра в жанре фэнтези – заявившей, что Исигуро использовал лишь поверхностные элементы фэнтези, но не это, считает автор, является сутью жанра (“it was not itself a work of fantasy” [Le Guin, 2015]). Для яркого представителя новой гуманитарной фантастики эта «ходульная» декоративность не может творить фантазийные миры (“Literary fantasy is the result of a vivid, powerful and coherent story” [Le Guin, 2015]). Исигуро гневно ответил на эту критику, обвинив известную американскую писательницу в жанровом снобизме [Cain, 2015]. Без внимания Ле Гуин, к сожалению, осталось ироническое замечание Исигуро в одном из интервью о том, что он и не думал писать фэнтези (“I was not even thinking about *The Buried Giant* as a fantasy” [Dundas, 2015]), хотя следы традиции нравственно-психологического наполнения фэнтези в его романе восходят к узнаваемой английской классике [Lipin, 2003].

Концентрированная декоративность квазиисторического плана романа, материально-предметная плотность описаний: подземные жилища, соединенные ходами; монастыри; заколдованная дракониха Квериг; огры, похищающие детей; эльфы, Сэр Гавейн и т.п. выглядят самодовлевающими, обнажая натужную литературность, а не тонкость художественного рисунка, так свойственную его ранним «японским» романам. Историческая модель средневековья здесь лишена индивидуальной словесной плоти, свойственной толкиновскому фантастическому эпосу [Lipin, 2003]. Отражают ли эти оценки идейно-художественное значение произведения? Ответ на этот вопрос и определяет актуальность нашей работы.

Достоинство романа видится в постановке и художественном развертывании неразрешимой дилеммы: память или забвение, а может быть и прощение? Но как забыть травмирующий накал прошлого? Примиренная память о страшном прошлом – предательство?

Диалог непримиримого саксонского воина Вистана и рыцаря Гавейна – кульминационный эпизод этого внешнего рыцарского сюжета поиска истины: Вистан вопрошает: “What kind of god is it, sir, wishes wrongs to go forgotten and unpunished?” [Ishiguro, 2015, p. 209]. Ответ сэра Гавейна: “Be merciful and leave this place. Leave this country to rest in forgetfulness” [Ishiguro, 2015, p. 209] не убеждает его. Между этими полюсами на разных макро- и микроуровнях выстраивается сюжет романа.

По словам писателя, эта проблема волновала его давно, с момента начала гражданской войны в Югославии 1990-х гг. [Ahearn, 2015].

При внимательном прочтении романа средневековый антураж наррации, литературная искусность описаний предметного мира средневековья и очевидная образованность писателя лишь оттеняют важный философско-гуманистический смысл романа, притчевый на все времена. А тот, кто несет слово – нарратор, наш современник, постоянно сравнивает современную Англию со средневековой, и шире – настоящее и прошлое, расширяя национально-исторический топос, моделируя и реальное время, и реальное пространство жизни каждого человека – *Everyman*.

Исигуро отметил этот интерес к теме в одном из своих интервью: “But I remain fascinated by memory. What I would like to tackle next is how a whole society or nation remembers or forgets. When is it healthy to remember, and when is it healthy to forget?” Вот в таких раздумьях и вызревала идея создания «Погребенного великана» [Moore, 2005].

Эта мысль о нравственно-философском аспекте нашей памяти всегда волновала писателя, преломляясь по-разному в его романах, но с особой остротой прозвучала в Нобелевской речи Исигуро: “Does a nation remember and forget in much the same way as an individual does? ...Are there times when forgetting is the only way to stop cycles of violence...?” [Ishiguro, 2017].

В новом романе, в отличие от предыдущих, писатель находит иное жанровое решение, соединяя рыцарский сюжет и героический эпос с насыщенной философско-гуманистической проблематикой. Эта художественная стратегия заметно выделяется на фоне его прежних романов глубинной содержательностью притчевой формы, новизной подхода к самым сложным проблемам ответственности человека перед историей. Трагичность исторического и личного опыта человечества подсказала писателю этот выбор.

Этот «код современности» проявлен в самом начале повествования в обращении повествователя, нашего современника: “You would have searched for a long time for the sort of winding lane...There were instead miles of desolate, uncultivated land...Icy fogs hung over rivers and marshes, serving all too well the orgs that were then still native to the land” [Ishiguro, 2015, p. 4]. Набеги этих полумифических существ воспринимались живущими тогда почти безмятежно бриттами и саксами как “everyday hazards” (“an ogre might vary off a child into a mist”) [Ishiguro, 2015, p. 9].

Поэтика заглавия «Погребенный великан» – ключ к пониманию идейно-художественной концепции текста. Казалось, навсегда погребенный великан, как память о прошлом, возвращается, извергая ненависть, бездонную, как море (“dark hatred as bottomless as the sea” [Ishiguro, 2015, p. 155] “The giant, once well buried, now stirs. When soon he rises, as surely he will, the friendly bonds between us will prove as knots young girls make with the stems of small flowers. Men will burn their neighbours’ houses by night. Hang children from trees at dawn. The rivers will stink with corps bloated from their days of voyaging. And even as they move on, our armies will grow larger, swollen by anger and thirst for vengeance” [Ishiguro, 2015, p. 324]. Прямую связь этого образа «погребенного великана» с настоящей и всем понятной исторической реальностью отмечал и сам писатель: “Most nations, most communities do have buried giants” [Moore, 2005].

Это сказочное чудовище – аллегорический образ памяти, а его ассоциативное расширение, усиленное желанием Вистана убить дракониху и вернуть память, по-новому заостряют главную тему романа. Убийства не могут быть оправданы ни одной доктриной, которая существует в мире. Ценность жизни выше всех теоретических иллюзий, но и прощение – единственное спасение жизни. Так обрисована в романе основная идеологическая контрверза.

Все повествование изобилует подробностями жизни в постартуровской Англии: здесь и состарившиеся рыцари короля Артура, и битва с драконом, и намеренная стилизация под средневековую хронику (сказовость, информативность, строгость стиля). Переключку со «Смертью Артура» Томаса Мэлори и эпосом «Беовульфа» нельзя не заметить. В центре романа псевдоисторический сюжет о настоящем и прошлом саксов и бриттов. Саксы, побежденные в кровопролитной резне исконными жителями этой земли бриттами, забыли и смертельную вражду, и жестокость благодаря туману забвения (“mist of forgetfulness” [Ishiguro, 2015, p. 39]) – дыханию заколдованной Мерлином драконихи Квериг. Описание этой жизни без войны и жестокости составляет не только важный «рамочный» пласт сюжета романа, но и высвечивает ключевую дилемму памяти.

Другой уровень развития сюжета связан с судьбой главных героев – престарелой пары, Акселя и его жены Беатрис. Они отправляются в трудный путь воспоминаний и путь поисков своего сына. Их память окутана туманом забвения, но Беатрис напоминает, что-то произошло в их семье, и сын покинул их, но она чувствует, что он где-то рядом и уговаривает мужа навестить его. Ее затаившаяся память прорывается в словах “It’s queer the way the world’s forgetting people and things from only yesterday and the day before that. Like a sickness come over us all [Ishiguro, 2015, p. 19]. Их поход, полный опасностей и лишений, разворачивается в романе почти на полтысячи страниц. Рыцарский сюжет укрупняется, дополняется подвигами Вистана (воина-сакса), стремящегося убить дракониху, вернуть память о прошлом, возродить у саксов чувство мести, отомстить за страдания своего народа. Эта линия припоминания прошлого дополняется размышлениями состарившегося рыцаря короля Артура, сэра Гавейна, который своими потрепанными доспехами больше напоминает Дон Кихота. Он охраняет дракониху, насылающую забытью о кровопролитном прошлом: это прошлое было таким страшным, что преодолеть память о нем без чародейства нельзя. Поэтому наивными кажутся слова престарелого и многое забывшего сэра Гавейна: “Arthur was one so generous to those he defeated they soon grew to love him as their own”. А уточняющий комментарий нарратора о беспощадной жестокости короля (“the revealed history says otherwise” [Ishiguro, 2015, p. 120] звучит как голос все еще живой памяти. Все чаще в повествовании появляется слово “forgetfulness”, окрашенное по-человечески понятным чувством, как состояние памяти, совсем иным, чем «забвение» (“oblivion”).

Знаменательно и другое: в романе нет той жесткой иерархии: «память/справедливость»; «прощение/предательство», которую в 70-х гг. прошлого века начали деконструировать постструктуралисты – ниспровергатели «великих мета-повествований». Трагически приподнятый смысл слова “oblivion” (состояние забвения) снят в романе словом-образом, в котором схвачено по-человечески понятное свойство: “forgetfulness”; в нем нет и намек на забвение «исторического» прошлого и трагедии своего народа. А возникшая в тексте деривантная форма прилагательного “oblivious” (в значении «незамечающий»: “Axl was kneeling, *oblivious* of Beatrice following behind” [Ishiguro, 2015, p. 311]) редуцирует приущий памяти императив справедливости.

Образ подзабытой ненависти, растворенной в тумане забытья-припоминания, проступает к концу романа в сражении с драконихой Квериг – это ее магическая сила тумана хранит мир. Винстон, воин-сакс, не приемлет мира, видя в нем лишь отказ и предательство своего народа.: “Isn’t it a strange thing when a man calls another brother who only yesterday slaughtered his children?” [Ishiguro, 2015, p. 86].

Но вот воспоминание о прошлом, резне и бедствиях, глубоких шрамах войны (“the scars of war in these lands”) – становится источником новых несчасть. Спасительное “forgetfulness”, которое дарило надежду и мир, разрушено, не приведя к прощению. Вистан непреклонен, хотя с сочувствием думает о том, что Аксель и Беатрис погибли в новой резне. Дракониха повержена, новые беды ждут эти народы. Погребенный великан памяти оживает, войны и жестокость неизбежны.

Исигуро мифопоэтически очерчивает нравственно-философскую дилемму, которая доминирует в романе, являясь принципом художественного понимания мира и человека: память оказывается не только «исторически» справедливой и важной для человека, но и опасной, хотя и “forgetfulness” не дарит героям полного утешения и покоя. Это спроецировано в сюжете драматических усилий Беатрис припомнить судьбу сына. Возвращающаяся память оказывается бедой и злом: из прошлого проступают не только дорогие сердцу эпизоды жизни, связанные с сыном, но и боль супружеских измен и, как итог – разлука в приговоре лодочника, оставившего Акселя на берегу без Беатрис. Разрешения этой острой дилеммы, представленной не только в патриотическом, но и интимно-личностном измерении, в романе нет.

Здесь четко вырисовывается так характерная для постмодернизма ситуация эпистемологического сомнения. Сомнение в правильности любого решения реализуется на разных уровнях: исторической памяти бриттов и саксов, индивидуальной памяти Акселя и Беатрис. Подвергается сомнению безусловность истины и каких бы то ни было утверждений и ценностей.

В романе роль памяти и возможность трудного прощения в жизни человека и целого народа проблематизируется на разных уровнях сюжетного развития. Текст начинает противоречить сам себе: память, оказывается, не является единственным краеугольным законом человеческой морали со священным трепетом веры в истинность, она обнажает и присущие жизни человечества неразрешимые сложности и противоречия и всегда соотносима с реальной историей.

Но в романе память и прощение предстают не до конца непреодолимой оппозицией, Вистан с сочувствием думает о судьбе Акселя и Беатрис, он милосерден, спасая мальчика-бритта. Память и прощение предстают как философская и этическая дилемма, обретая художественное всечеловеческое измерение в романе: хранить память или захоронить великана и «снова научиться жить» (вспомним Ахматову), или помнить травмирующий накал прошлой жизни и продолжать мстить, неся разрушение и смерть. Вистан хочет мстить за “the scars of war in these lands” и не может понять, как можно с этим смириться. Для него только незабытое деяние может быть искуплено.

Но эта дилемма и «познавательная неуверенность» в верности готового ответа придает объемность и драматизм художественной мысли и является возможностью для новых прочтений текста.

Забвение травмирующего прошлого тоже недолговечно, но оно благодаря «хмари» дает какую-то возможность примирения. Этот глубинный смысл текста (неоднозначность, относительность всякой устоявшейся истины) явлен в притчевой форме художественного синтеза: легендарно-исторического, фантазийного, мифопоэтического, в котором есть и абрис современного мира.

Роман не дает ответов на вопросы, оставляя читателя в раздумье над миром и его судьбой в связи с собственной личностью. В нем художественно очерчена проблема, которая не может иметь однозначных решений. По мере развития действия в романе акценты в оценке событий смещаются. Никаких незыблемых истин не существует, все припоминания тут же оспариваются другими утверждениями (рыжая странница, зеленый плащ Беатрис, юноша, покоренный красотой Беатрис), все может быть подвергнуто сомнению, переосмыслено и даже память – это вечное настоящее, хранилище вечных ценностей.

В романе память не является императивом справедливости, единственным краеугольным законом человеческой морали, овеванным священным трепетом веры в истинность, а соотнесена с реальной историей с точки зрения человеческой целесообразности, обнажая присущие этой сложности противоречия. Так, для Акселя и Беатрис поверженная дракониха Квериг, которая насылала на жителей этой страны “the mist of forgetfulness”, давала им возможность жить и любить, но одновременно и лишала их надежды обрести “treasured memories”, “cherished memories” о сыне, своей молодости и счастье. Они начинают понимать, что “a memory brings particular pain”, а память возвращает не только приятные воспоминания. Поэтому сэр Гавейн умоляет во имя Бога не убивать Квериг, но Вистан, воин-сакс, непреклонен: “What kind of god is it, sir, wishes wrongs to go forgotten and unpunished?” Он охвачен жаждой мести: “We’ve a duty to hate every man, woman and child of their blood..., promise me you’ll tend well this hatred in your heart” [Ishiguro, 2015, p. 178]. Великан – память прошлых злодеяний и боли – растревожен, человека ждут горе, беды, смерть. Как предать забвению незабываемое? Как преодолеть прошлое? Неужели такая память и есть восстановленная справедливость?

Так, морально-этический смысл памяти как долга перед прошлым, который в своих трудах раскрывал П. Рикер, философ диалога, в романе Исигуро обретает новое звучание и богатство поэтической семантики, бесконечного развертывания смыслов. Судьба его героев приоткрывает опасную однозначность такого видения проблемы: долг памяти как требование справедливости чреват новыми бедами (“dark hatred as bottomless as the sea”... “circle of hate” [Ishiguro, 2015, p. 155, 233]. Поэтому у героя остаются лишь сомнения в правильности выбора. Если для Ницше без забвения нет ни жизни, ни счастья, ни будущего [Ницше, 1990], то у Исигуро-художника и это тоже не однозначно. Его герои хотят помнить все моменты своей долгой истории любви и счастья, но вместе с этим память обнажает измену, предательство, жестокость любимого мужа по отношению к сыну.

Постмодернистская притчевость, окрашенная лиризмом, обращена к современникам, ответственным перед будущим. Сквозная идея романа – художественно выстроенный открытый вопрос. Что же является морально-исторически правильным? Ведь возвращенная память оказывается бедой и злом, а забвение – миром? Так в рыцарской оболочке сюжета личной истории героев раскрыт образ нашего мира и наши неразрешимые дилеммы. А художественная проекция проблематики национальной и личной памяти, с одной стороны, и магического примиряющего конфликт забвения и прощения, с другой, – приобретает драматическое измерение в полной трагизма судьбе героев романа Акселя и Беатрис. Прожившие в счастье (и – forgetfulness) всю жизнь, они расстаются. Но различает их не лодочник, а память. Последний эпизод романа – это диалог смертельно больной Беатрис, которая верит, что лодочник вернется потом и за Акселем, и они вскоре встретят изгнанного им сына на том острове. Но последние строки не оставляют сомнения, что Аксель знает, что обретенная ими память вынесла их счастье свой приговор. Полный трагического смысла финальный эпизод не оставляет в этом сомнений. На оклик лодочника, что он вернется и за ним, Аксель даже не обернулся. “Yet when I turn he does not look my way, only to the land and the low sun on the cove” [Ishiguro, 2015, p. 315].

Для того, чтобы развернуть такую проблематику, актуальную во все времена, представить путь героев одновременно и драматичным и трогательно-проникновенным, а проблемы выбора, с которыми они столкнулись, общечеловеческими и подлинными, художнику необходимо было создать особый хронотоп, соответствующий этой форме романа. Нравственно-философские проблемы определили особенности жанра.

Понимание художником мира все больше тяготеет философской фэнтези, не исчерпывающей и не проясняющей основную дилемму. И только тот, кто способен сомневаться,

сможет приблизиться к истине – такова нравственная перспектива идейно-художественной концепции романа. Новые акценты привели к жанровому сдвигу. Фэнтези в стиле Толкина превращается в роман-дилемму, зарождается новая поэтическая нравственность в трактовке такой резонансной сегодня темы. На место одностороннего понимания памяти, несущей истину, приходит новое понимание незавершенности дискуссии.

Перспективным представляется дальнейшее изучение трансформации художественной идеи-контroversы о роли памяти и возможности прощения не только в творчестве Кадзуо Исигуро, но и в произведениях ведущих писателей, размышляющих над судьбами мира в переломные моменты истории.

Список использованной литературы

Жлуктенко, Н.Ю. (2013). Ноктюрни Казуо Ішігуро: транспозиція у постмодернізм. *Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченка. Серія: Літературознавчі студії*, 39 (1), 367–372.

Ішігуро, К. (2018). *Похований велетень* / пер. з англ. Т. Савчинської. Львів: Видавництво Старого Лева.

Нестеренко, Ю.С. (2020). *Национальная картина мира в романах Кадзуо Исигуро*. (Автореф. дисс. канд. филол. наук). Московский педагогический государственный университет, Москва.

Ницше, Ф. (1990). О пользе и вреде истории для жизни. К. Свасьян (Ред.), *Сочинения* (Т. 1, с. 441–442). Москва: Мысль.

Опрісник, Я. (2019). Поетика нарративу в романі Кадзуо Ішігуро “Прозорий серпанок над горами”. *Слово і час*, 12 (708), 57–65.

Селитрина, Т.Л. (2017). Фантазия мифа и правда истории в романе Кадзуо Исигуро «Погребенный великан». *Филология и культура*, 3 (49), 214–219.

Усенко, О.П. (2014). *Японський компонент імагологічної проблематики творчості Кадзуо Ішігуро*. (Дис. канд. філол. наук). Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, Дніпропетровськ.

Ahearn, V. (2015). Kazuo Ishiguro Looks at Role of Memory in History with “The Buried Giant”. *The Canadian Press*, 19 March.

Akbar, A. (2015). This isle is full of monsters. *The Independent*, 26 Feb. Retrieved from <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/reviews/the-buried-giant-by-kazuo-ishiguro-book-review-this-isle-is-full-of-monsters-10072414.html>

Cain, S. (2015). *Writer’s indignation: Kazuo Ishiguro rejects claims of genre snobbery*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/books/2015/mar/08/kazuo-ishiguro-rebuffs-genre-snobbery>

Clark, A. (2015). Ishiguro’s Turn to Fantasy. *The Guardian*, 19 Feb. Retrieved from <https://www.theguardian.com/books/2015/feb/19/kazuo-ishiguro-the-buried-giant-novel-interview>

Dundas, D. (2015). Author Kazuo Ishiguro on *The Buried Giant*, fantasy and war. *Books*, 22 March. Retrieved from <https://www.thestar.com/entertainment/books/2015/03/22/author-kazuo-ishiguro-on-the-buried-giant-fantasy-and-war.html>

Ishiguro, K. (2015). *The Buried Giant*. New York: Alfred A. Knopf.

Ishiguro, K. (2017). *The Nobel Prize Lecture. My Twentieth Century Evening and Other Small Breakthroughs*. New York: Alfred A. Knopf.

Kakutani, M. (2015). “In «The Buried Giant», Ishiguro Revisits Memory and Denial”. *The New York Times*, Feb 23. Retrieved from <http://www.nytimes.com/2015/02/24/books/review-in-the-buried-giant-ishiguro-revisits-memory-and-denial.html>

Le Guin, Ursula K. (2015). “95: «Are they going to say this is fantasy?»”, 2 March. Retrieved from <https://bookviewcafe.com/blog/2015/03/02/are-they-going-to-say-this-is-fantasy/>

Lipin, G. (2003). The New Wave in British Science Fiction: the Change in the Canon. In M. Billi & N. Brownlees (Eds), *In and Around the Sixties* (pp. 195–207). Viterbo: Sette Citta.

Ma, Sh. (1999). *Kazuo Ishiguro’s Persistent Dream for Postethnicity: Performance in Whiteface*. Retrieved from <http://quod.lib.umich.edu/p/postid/pid9999.0002.103/--kazuo-ishiguro-persistent-dream-for-postethnicity?rgn=main;view=fulltext;q1=ishiguro>

Moore, M.S., Sontheimer, M. (2005). “I Remain Fascinated by Memory” [Interview with Kazuo Ishiguro]. *Spiegel Online*, 5 October. Retrieved from www.spiegel.de/international/spiegel-interview-withkazuo-ishiguro-i-remain-fascinated-by-memory-a-378173.html